

СУББОТНЯЯ ВСТРЕЧА

Оксана МЫСИНА не только одна из самых ярких театральных актрис. Она еще и самая независимая. Мысина играет в спектаклях Бориса Львова-Анохина, Камы Гинкаса, Светланы Враговой, Романа Козака, Олега Меньшикова... Но

отказывается связать жизнь с каким-либо одним театральным коллективом. А еще недавно заявила о себе как режиссер, поставив пьесу Виктора Коркия "Кихот и Санчо", где сыграла роль славного оруженосца. Но этого ей показалось мало, и актриса организовала собственную компанию "Театральное братство Оксаны Мысиной".

Семейные тайны

— Как вас теперь называют? Кто вы: актриса, режиссер или бизнес-леди?

— Бизнес-леди — это звучит слишком громко. Я действительно поставила как режиссер свой первый спектакль "Кихот и Санчо". Говорят, если тебе удалось собрать людей, вдохновить их и сделать спектакль, значит, тебя уже можно называть режиссером. Так что, наверное, я актриса и режиссер.

— Но вы взяли на себя еще и обязанности импресарио, ведь этот спектакль был поставлен на ваши деньги.

— Я не импресарио. Импресарио — это тот человек, который достает деньги у богатых людей. Я ни у кого денег не просила, а работала их сама на телевизионном фильме режиссера Елены Цыплаковой "Семейные тайны". Мой муж также помог финансово во время постановки.

— Доставка денег, как я понимаю, вам неприятно, и будущие художественные проекты вы будете осуществлять только на свои средства?

— Да, я бы не хотела ни у кого ничего просить.

— Тогда вам придется идти на творческий компромисс, поскольку не все телевизионные сериалы, обещающие финансовую прибыль, могут идти под лейблом "искусство".

— Ни на какой компромисс ради денег я идти не собираюсь. Мне интересно делать то, что мне интересно в профессиональном и человеческом смысле. А если за это платят деньги — замечательно. Что касается "Семейных тайн", то с режиссером фильмом Леной Цыплаковой я шесть лет мечтала поработать. Это произошло сразу после того, как я увидела ее картину "Камышовый рай". Лента меня просто потрясла, и я сказала Лене, что согласна сниматься у нее в любой роли, даже эпизодической. Когда зашел разговор о "Семейных тайнах", то Лена сказала, что она будет снимать не сериал, потому что она их не любит и не умеет снимать, а кино. И все, кто собрался на "Тайнах" — оператор Илья Демин, почти все артисты, я, — никогда не снимали и не снимались в сериалах. И, работая в адском сериальном темпе, старались снимать качественное кино.

Дом окнами на степные просторы

— У вас такой самостоятельный облик, что, кажется, вы родились в семье военного. Ваш папа, наверное, был генерал, жили вы в центре Москвы в "сталинской" высотке...

— Все совсем не так. Мама у меня сейсмолог, а папа по профессии шахтостроитель. Родители учились в Днепрпетровске, а потом, после окончания горного института, их направили в Донбасс. Там я и родилась, там прошло наше с сестрой детство в маленьком поселке Юнокоммунаровск, среди шахт и степного простора. Мои родители — люди особенные, тогда их, наверное, называли стилистами, потому что они увлекались джазом, танцевали, вообще вели независимый образ жизни. Сейчас они на пенсии, но не на покое. Они открыли свое дело, купили магазин и занимаются шубным бизнесом. А так как они люди порядочные, честные, то пользуются в этом бизнесе большим уважением.

— А как вы в Москве оказались?

— Мы переехали в Москву, когда мне было 8 лет, а моей сестре 11. Родители сделали это ради нашего будущего. В Донбассе у нас были замечательные условия — дом, коттедж, "Волга". По тем временам — это фантастическое благополучие. Но родители думали о нашем образовании, поэтому мы переехали в столицу. Продали дом и машину и на эти деньги снимали квартиру в Москве, жили довольно скромно. Но родители нам с сестрой ни в чем не отказывали. Мы учились в английской школе и в музыкальной, каждое лето родители отправляли нас отдыхать в пионерский лагерь на Черном море. И при этом рюкзак у нас был забит книгами, которые мы должны были прочесть за лето.

— Вообще то девочки в таком возрасте не столько любят книги читать, сколько с мальчиками встречаться и модно одеваться.

— Нет. У нас с сестрой были другие ценности, а потом и некогда было. Мы просто вкалывали. Утром приходили в школьной форме в английскую школу, потом в той же форме ехали в музыкалку, а затем возвращались домой и делали уроки. Правда, когда мне было пятнадцать лет, мы поехали за границу, к друзьям родителей, в Польшу, и там накопили всяких вещей, в том числе и модные джинсы. Но отсутствие вещей никогда комплексов не вызывало.

Лучшая Баба Яга Черноморского побережья

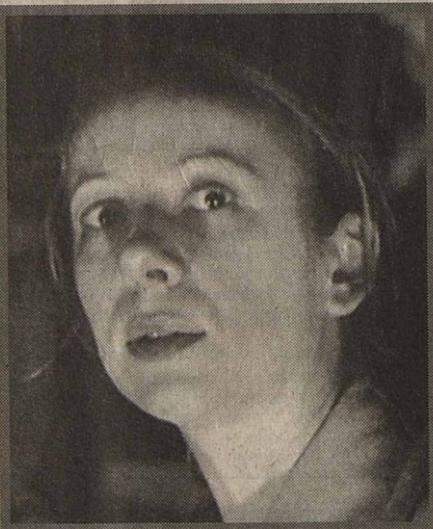
— Сразу после школы вы поступили в театральное училище?

— Нет, сначала я поступила в Гнесинское, а потом закончила его по классу альта. В детстве я была маленькая, очаровательная и симпатичная, а когда выросла, то жутко себя испугалась. Высокоченная, с длинными руками и ногами. И со страху пошла в Гнесинку, где уже училась сестра. Она очень талантливая музыкант, альтистка, сейчас Марина Якут живет в Испании и востребована там. Отношение преподавателей к Марине было замечательным, поэтому и я поступила без проблем. Но, учась в Гнесинке, я бегала в театр Спесивцева. Там я играла на гитаре

Оксана МЫСИНА:
"Я люблю все ершистое, не вписывающееся в общепринятые рамки".

САМАЯ НЕЗАВИСИМАЯ ХУЛИГАНКА

и пела, кстати, как бард я выступала на концертах и даже ездила с гастролью по стране. Теперь тоже иногда пою, но в кругу друзей. Еще в театре Спесивцева я мыла полы, месила цемент, красила потолки.

— Там что — детский труд использовали в хозяйственных целях? Зачем весь этот пафос?

— Мы строили театр, а еще таким образом проверяли наше отношение к театру, наша способность ради профессии идти на все.

— И куда же вы пошли?

— Когда я наконец поняла, что театр — это мое, то поступила в Щепкинское училище.

— Как родители отнеслись к тому, что из музыкантов вы вдруг стали артисткой?

— Я думаю, внутренне они были готовы к такому повороту сюжета. В девять лет в пионерском лагере я сыграла Бабу Ягу. Успех был огромный, все пионерлагеря Черноморского побережья приглашали меня к себе сыграть Бабу Ягу. Но руководство моего лагеря меня не отпускало. "Мысина будет играть только у нас", — заявляло оно на все просьбы заманить меня куда-нибудь. И я во время тихого часа, отпросившись в туалет, убежала на берег. Там я дико орала и хохотала, стремясь походить на настоящую Бабу Ягу.

Люберецкий загс и "Шербурские зонтики"

— Я знаю, что ваш муж американец, что он работает в газете "Москву таймс". Как вы познакомились?

— Джон писал в России книгу о Николае Эрдемани и работал театральным обозревателем в "Москву таймс". Сейчас, кстати, вместе с Женей Лунгиным они написали киносценарий. И вот как-то Джон пришел на мой спектакль "Дорогая Елена Сергеевна" в театре на Спартаковской. Посмотрел, а потом стал приходить каждый вечер. И все стали обращать внимание: что это он все ходит и ходит. А затем он мне написал на одной из афиш: "Оксана, я в вас люблю каждый раз". Но я потом от него еще полгода бегала. Мне казалось, он не для меня — умный, красивый. К тому же все вокруг подстрекали: "Смотри, кажется, это с его стороны любовь". И тут я совершенно закрылась, свадобная любовь гнала. Но мой однокурсник Сережа Пенегин устроил так, что мы случайно встретились у него на дне рождения. И с этого дня мы с Джоном не расстаемся.

— Свадьбу вы, наверное, справляли очень эффектно?

— Нет, мы расписывались в загсе в Люберцах.

— Почему не в Москве?

— Мы тогда жили в Люберцах. Пришли мы в загс оба с гриппом, с высокой температурой. А там вокально-инструментальный ансамбль, который заиграл известную песню из "Шербурских зонтиков", я ее пела в спектакле у Враговой. В переводе с французского это звучит: "До свидания, милый, до свидания". Очень, конечно, свадобная песня, и я стала гомерически хохотать. Меня успокоили. А тут надо уже было делать фотографии, и я вижу, какие серьезные лица у родных и близких, и понимаю, какие получаются скучные фото. И тогда я выкрикнула одно магическое слово, которое всегда произносится, когда хотят разрядить пафосность обстановки. Услышав его, все начинают хохотать.

— Что же это за слово?

— Жопа!

— Вы просто хулиганка, а не артистка.

— Да, я хулиганка. И все стали хохотать, и фотографии получились замечательные. Но в загсе меня не очень поняли, подумали, что пришла какая-то совсем уже с приветом.

Рабству — бой

— Вы работали с разными режиссерами, как вам удалось всех их вытерпеть?

— С каждым режиссером связана своя история. Кама Гинкас — это режиссер, на репетициях с которым я испытала невероятное счастье взаимопонимания и контакта. В прессе Гинкаса порой называют режиссером-деспотом, но я к этому определению отношусь с улыбкой, потому что знаю Гинкаса в работе. Это трепетный, тонкий, искрящийся человек. Было интересно работать с Володей Мирзозевым, но мы творчески не очень сошлись, хотя остались друзьями. Замечательно складывались отношения с Романом Козаком на

спектакле "Самое главное" во МХАТе, мечтаю вновь с ним встретиться. А начинала я у Светланы Враговой, которая мне много дала в профессиональном смысле, но по-человечески мне с ней было сложно, поэтому пришлось расстаться.

— На сцене вы тоже отличаетесь экстравагантным поведением? Бьете посуду, крушите декорации?

— Да, могу разбить, но не потому, что у меня эмоциональные припадки, а когда я как актриса не могу пробиться к образу. Могу быть во время репетиций яростной, даже непредсказуемой для самой себя. Порой меня в творчестве заносит. Но те режиссеры, с которыми я работала, этого не боялись, а даже любили.

Мы репетировали со Светланой Враговой спектакль "Дорогая Елена Сергеевна". И там идет монолог Елены Сергеевны, когда ученики ставят ее на грань самоубийства и она должна что-то предпринять, чтобы выдержать их атаку. Я, доведенная до отчаяния содержанием пьесы, репетиционным накалом, стала бить посуду. Но это не значит, что все время надо что-то крушить. Просто я не люблю тепличного существования.

— Сейчас вы создали свое дело, и какое существование предложите тем, кто с вами будет работать?

— В театре режиссеры часто пытаются поставить артистов в рабскую зависимость от них. Для них театр — рабовладельческое государство. А я против рабства, поэтому семь лет назад вырвалась из понятия "труппа", сказав, что ни под каким видом в театральную труппу вступать не буду. Потому что все режиссеры хотят заполнить актера с патронами. Чтобы держать и не выпускать его никуда, чтобы он зависел от них полностью. Я их в какой-то степени понимаю, но не хочу свою жизнь подчинять чужой воле. Мне очень дорога моя психологическая свобода. И любить режиссера можно намного сильнее, если ты от него не зависишь. А если ты выражаешь свои чувства, находясь у него в плену, он их рассматривает как лесть, как приспособленчество и не верит тебе. Но когда ты становишься на позицию открытости, когда есть только творческая зависимость на данном этапе работы, — это совсем другое. Я могу свободно сказать все, что я думаю.

Сейчас, репетируя со своими актерами, я не хочу за счет доведения их до кипения использовать их психическую энергию для достижения художественного результата. Я работаю с ними без унижения их человеческого достоинства. Те же репетировали с Камой Гинкасом, когда мы жили, как в детстве, ползать на коленях, плакать или хохотать, словно безумные. Я хочу работать с моими артистами, как занимался со мной Борис Александрович Львов-Анохин — мой учитель, режиссер-классик. Он дарил мне театр-праздник, и забыть это невозможно. Я с Борисом Александровичем сделала четыре спектакля. Новый драматический театр, который возглавлял Львов-Анохин, находится на окраине Москвы, добраться туда было непросто, но я всегда летела — на метро, на маршрутке, на троллейбусах (я тогда была еще не за рулем).

Извержение вулкана

— Сейчас вы за рулем?

— Да.

— Как быстро вы научились водить?

— Сначала училась водить для фильма. Взяла несколько уроков в автошколе, кое-как справилась в кадре, а потом по ночам меня стал тренировать Джон. Мы вокруг нашего дома ночей десять ездили по закоулкам. А однажды, воспользовавшись тем, что Джон был занят, я сказала: "Джон, я поехала на спектакль". "Как, ты разве сумеешь?" — удивился он. Я ответила: "Да, сумею". Первое, что я сделала, это задела на выезде из двора "БМВ". Мне помог мой друг, который в нашем дворе работает на стройке. Он вышел и начал подсказывать: "Немного налево, немного направо". Я аккуратно выехала из-под "БМВ", ну, слегка ему бампер задела. Я уже пять месяцев за рулем, и мне кажется, я просто ас. Тут был один смешной случай. Вижу, едет правительственная машина с мигалкой, ну, я за ней и пристроилась. Еду и еду, о чем-то своему думаю. Вдруг меня ГАИ останавливает. Я им говорю: "Здравствуйте, в чем дело?" А они мне: "Если бы не мы, так вы бы сейчас в Кремль заехали!"

— А вы любите путешествовать?

— Обожаю. После съемок в "Семейных тайнах" мы ездили на Гавайские острова. И я там увидела живой вулкан. Это что-то фантастическое! Причем, чтобы до него дойти, надо было совершить маленький подвиг. В полном снаряжении — кеды, рюкзак, ветровки — мы пошли с Джоном. Жара безумная, горячий ветер, кругом предупреждающие надписи: "Опасно!" — и через полчаса я сломалась. Сказала Джону: "Больше не могу, у меня скоро премьера, а вдруг что-нибудь случится". Джон на меня обиделся и обозвал меня слабаккой. Тогда я стала убеждать, что все-таки пойду вперед. Но Джон был неумолим, и мы вернулись.

А через неделю узнали, что построили новую дорогу до вулкана, по которой до него можно дойти за полчаса. И мы наконец увидели, как стекает в океан кипящая красная лава и прямо на глазах, при встрече с водой, превращается в черный песок. Это необыкновенно красиво, когда пламя, подобно перьям, взлетает вверх. А потом все это рассыпается по небу. Такое ощущение, что рождается земля. И это действительно так, ведь остров растет за счет вулкана. Поэтому можно приехать и купить немного земли.

— Почему бы и не купить?

— Да, действительно, мы присмотрели там один заброшенный пляж. Туда даже нет нормальной дороги, трясешься на машине по лаве. Но зато там нет никого. Стоят только два заброшенных дома, раньше там жили владельцы местных авиакомпаний, которые бросили свои дома и уехали. Так что там можно недорого купить место и оторвать театр "У Тихого океана".

— И очень дорого продавать билеты на спектакли московским зрителям. Скажите, а ваше хулиганство помогает вам в театральной жизни?

— Да. Хулиганство — это спонтанное существование, а если ты по природе послушный, то на сцене будешь всех бояться и стесняться. Режиссера, партнеров, зрителей. Я люблю все ершистое, не вписывающееся в общепринятые рамки. Я сама такая и хочу, чтобы артисты рядом со мной были такими же.

Владимир КОТЫХОВ.